

ЕВГЕНИЙ ЮРКЕВИЧ

ВОЕННЫЙ ПЕТЕРБУРГ ЭПОХИ ПАВЛА I

Евгений Юркевич

Военный Петербург эпохи Павла I

«Центрполиграф»

2007

Юркевич Е. И.

Военный Петербург эпохи Павла I / Е. И. Юркевич —
«Центрполиграф», 2007

Книга посвящена военным реформам Павла I начиная с создания им Гатчинских войск еще в бытность наследником престола. Дана подробная информация о нововведениях в солдатском обмундировании, описаны развитие военного строительства в столице и пригородах, повседневная служба Петербургского гарнизона, смотры, маневры, торжественные церемонии с участием войск. В книге использованы разнообразные архивные документы и свидетельства современников, позволяющие по-новому взглянуть на преобразования в военном деле и на личность самого императора.

© Юркевич Е. И., 2007

© Центрполиграф, 2007

Содержание

Введение	5
Глава первая	6
Глава вторая	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Евгений Юркевич

Военный Петербург эпохи Павла I

Лидии Петровне Козловой, моей первой учительнице истории, с любовью и благодарностью посвящая эту книгу

Введение

«К сожалению, с момента правления Павла I завершается процесс придания Петербургу облика военного гарнизона. В городе устанавливаются полосатые будки и шлагбаумы. Даже ограждения березок, посаженных в 1800 году вдоль Невского проспекта от Фонтанки до Мойки, красятся красно-черно-белыми полосами. Уже никто из жителей не удивляется бесконечной муштровке солдат, которые с утра до вечера „гусиным“ шагом маршируют под звуки флейт и барабанов на площадях столицы»¹. Увы, в этом отрывке сконцентрировано представление большинства читателей о Петербурге павловской эпохи. Образ павловского Петербурга, наполненного страхом, муштрой, бессмысленными и жестокими наказаниями солдат и офицеров, – вместе с образом Павла как сумасшедшего жестокого тирана – старательно внедрялся (и, к сожалению, продолжает внедряться по сей день) в массовое сознание на протяжении двух столетий – через художественную и научную литературу, живопись, кинематограф². Основой для подобных оценок служит, как правило, лишь узкий круг мемуаров, в который редко включают высказывания лиц, с симпатией относящихся к злодейски убиенному Государю. Документы в таких случаях цитируются также весьма выборочно, имея главной целью подтвердить отрицательное мнение об Императоре. Следствием этого стало отсутствие к настоящему моменту серьезных исследований, посвященных как павловским военным реформам в целом, так и военной истории северной столицы конца XVIII в. в частности. Из военных историков попытку более или менее подробно, серьезно и, главное, объективно исследовать военные реформы Павла предприняли, пожалуй, лишь двое – генерал-лейтенант артиллерии В. Ф. Ратч, изучавший павловскую артиллерию³, и ротмистр Кавалергардского полка С. А. Панчулидзе, посвятивший одну из глав написанной им истории полка краткому анализу военных реформ Императора⁴. Этим замечательным людям хотелось бы высказать слова искренней благодарности, ведь именно их работы пробили первую брешь в крайне тенденциозном отношении историков к павловским военным реформам. И особенно важно, что в год 250-летия со дня рождения Павла Петровича глава из книги С. А. Панчулидзева, давно ставшей библиографической редкостью, была вновь опубликована стараниями сотрудников Государственного мемориального музея А. В. Суворова⁵. Но эти работы, как и ряд современных исследований, – лишь начало серьезного изучения павловских военных преобразований. Предлагаемая вниманию читателей книга – первая попытка показать с разных сторон жизнь военного Петербурга павловской эпохи. Можно будет погрузиться в его атмосферу, читая страницы полковых историй, мемуаров, строки малоизвестных архивных документов. Хочется верить, что это позволит по-новому увидеть и личность Императора Павла Петровича, и его военные преобразования, в которых Петербург, как столица Российской империи, играл первостепенную роль.

Глава первая НАЧАЛО

Рожденный 20 сентября 1754 г. в Летнем дворце Императрицы Елизаветы Петровны Великий Князь Павел Петрович с самых ранних лет проявлял склонность ко всему военному¹. И вряд ли интерес Цесаревича к военным вопросам можно объяснить только «наследственным даром, перешедшим от отца к сыну», как писал, имея в виду Императора Петра III, Н. К. Шильдер². Конечно, такой фактор, как «наследственный дар», полностью игнорировать не стоит, но, думается, и преувеличивать его роль отнюдь не следует. Безусловно, гораздо более важным является то, что уже в раннем возрасте Павел получил весьма ответственные, хотя вначале и номинальные, военные назначения. Так, 4 июля 1762 г. Цесаревич был произведен в полковники Лейб-Кирасирского полка³, а 20 декабря того же года Екатерина пожаловала его в генерал-адмиралы российского флота⁴.

Интересно, что в детстве Павла старались оградить от чрезмерного увлечения всем военным.

«Военный элемент не преобладал в воспитании и среди лиц, окружавших юного Великого Князя, – писал князь П. А. Вяземский. – Военные упражнения не отвлекали его от занятий. Его не приучали быть прежде всего военным... но его обучали военному делу с высшей точки зрения, а не погружали в мельчайшие практические подробности, которые только могли бы сбить и ложно направить ум ребенка»⁵.

«При воспитании Павла Петровича оставлены были в стороне военные науки и занятия, – писал Д. Ф. Кобеко. – В детстве он всякий день учил ружью лакеев, но по назначении Панина раза два только учил ружьем и потом никогда...»

Из дневника Порошина видно, что собеседники Павла Петровича очень не благоволили военному формализму и выправке. В маневрах и учениях Павел принимал участие только однажды (18–28 июня 1765 г.) в Красносельском лагере, пребывание в котором кончилось его нездоровьем»⁶.

Цесаревич Павел. 1765 г.

Общеизвестно, сколь важен дневник воспитателя Цесаревича Павла Петровича Семена Андреевича Порошина (1741–1769), веденный им с сентября 1764 по январь 1766 г., для воссоздания картины жизни и воспитания юного Великого Князя. Как правило, исследователи привлекали этот документ только для того, чтобы описать учебные занятия Павла или черты его характера ⁷. Но дневник С. А. Порошина интересен, на наш взгляд, еще и описанием военных занятий и игр Цесаревича, ведь «военная составляющая» его детских лет важна для более глубокого понимания проводимых им впоследствии военных реформ.

С. А. Порошин

Рассмотрим в первую очередь отраженные в порошинском дневнике военные занятия Павла, связанные с пожалованием его в 1762 г. в полковники Лейб-Кирасирского полка и генерал-адмиралы.

2 октября 1764 г. в покои Цесаревича был доставлен «сделанный по размеру совсем оснащенный корабль, длиною в 15 футов... Корабль показывал Его Высочеству его превосходительство г. адмирал Семен Иванович Мордвинов» ⁸. Таким образом, данная модель корабля служила учебным пособием для юного генерал-адмирала. Павел с живым интересом отнесся к кораблю, дав ему имя «Анна» в честь покойной сестры, и часто играл с моделью, изучая таким образом устройство кораблей ⁹.

Для изучения кораблевождения в покоях Цесаревича стоял стол, выкрашенный синей краской, представлявший море. «Оный стол расчерчен по румбам, и медные кораблики на нем расставлены» ¹⁰. За этим столом Павел учился навигации, наставником его был обычно И. Л. Кутузов ¹¹.

И. Л. Голенищев-Кутузов

Нередко в покоях Великого Князя устраивались заседания «комнатной Адмиралтейств-коллегии»¹². «Комнатным генерал-адмиралом» был граф И. Г. Чернышов¹³. Так, 15 марта 1765 г. С. А. Порошин записал: «В шестом часу приехал граф Иван Григорьевич Чернышев, и было у нас адмиралтейское комнатного флота присутствие. Его Высочество подал графу Ивану Григорьевичу, так как Генерал-Адмирал, табель обо всех чинах нашего флота, который подписал так: *Генерал-Интендант П. Романов*. В сегодняшнем заседании г. Генерал-Интенданту был выговор, для того что многие до экспедиции его касающиеся вещи нашлись в неисправности»¹⁴.

Весьма интересовался Павел и сухопутной армией, в том числе своими подшефными кирасирами, в первую очередь в связи с намечавшимися на лето 1765 г. маневрами в Красном Селе¹⁵. С большим интересом он изучал «все новые учреждения и штаты, касающиеся до нашего войска», расспрашивал о подробностях повседневной армейской службы¹⁶. Цесаревич весьма интересовался и процессом обучения в Сухопутном Кадетском корпусе¹⁷. Его также чрезвычайно интересовали мундиры, как русские, так и иностранные. Он подолгу мог рассматривать книжки с изображениями различной военной формы¹⁸.

С интересом относился Павел и к новинкам морской литературы. «Показывал я ему написанное мною именем его предложение в Адмиралтейскую коллегия о переводе на русский язык изданного неким шведским штурманом описания Балтийского моря. После оное предложение подписал Государь, и я отослал его в коллегия», – писал Порошин¹⁹.

Огромным событием в жизни Павла стали летние красносельские маневры 1765 г. К ним его начали готовить загодя, еще с марта, «строая» кирасирский мундир и амуницию²⁰. Интересно, что для Цесаревича сшили обмундирование не только обычное, суконное, но и шелковое, облегченное²¹.

Маневры произвели на юного Великого Князя чрезвычайно сильное впечатление. Он имел возможность лично видеть передвижения войск, слышать пальбу, но главное, 19 июня, в первый день маневров, ему представили его кирасир: «Приехали мы на правый фланг пер-

вой линии, где стоял Наследников кирасирский полк. Тут за фронтом вышли из кареты и пошли в ставку вице-полковника графа Пушкина. Все офицеры полка тут. Его Высочеству подал рапорты генерал-поручик от кавалерии Берг, бригадный его (Павла. – Е. Ю.) командир генерал-майор граф Салтыков, вице-полковник и первого шквадрона его роты поручик Баумгартен. Прошли между палаток и первого шквадрона и людей посмотреть... Часу в пятом дан сигнал, чтоб выводить полки в линию. Зачали выводить и тотчас вывели. Его Высочество сел тут на лошадь в кирасе и во всем уборе. Как скоро Государыня к правому флангу приехала и генерал-поручик Берг кавалерийским полкам командовал „Слушай, палаши вон“, то и Его Высочество вынул свой палаш и повторил оную команду своему шквадрону. Государыня, поравнявшись против его, приказала ему за собой ехать. Пока мимо полка его ехала, то он за нею ехал в кирасе и держа палаш в руках; как же скоро полк проехали, то палаш положил он в ножны, и Ник. Иван. (Салтыков. – Е. Ю.) кирасу велел с него снять; так и поехали за Государыней. Тут Его Высочество подал рапорт бригадному своему командиру Ивану Петровичу Салтыкову... Таким образом ехал Его Высочество с правого фланга вдоль по фронту до самого левого фланга, а потом с левого фланга второй линии до правого фланга оного за Государыней верхом... Отдавали честь и склоняли знамена...»²² Присутствие Цесаревича вызвало большой подъем в полку: «Сказывали, как все кирасиры обрадованы, что видели Государя перед фронтом. Все движения его приметили»²³.

В Красном Селе Павел пробыл до 30 июня, активно посещая маневры²⁴. Уезжая, он, как шеф, проявил заботу о нижних чинах полка: «При отъезде... пожаловал Цесаревич бывшему у него на ординарии вахмистру Толю из своих рук империялами 100 руб. и обещал представить о нем Военной коллегии, чтобы произвести в офицеры, а третьего дня через меня изволил отослать в полк свой кирасиру Ильину 100 руб., который переломил себе ногу во время бывших маневров»²⁵. Потом Павел не раз с восторгом вспоминал эти маневры²⁶. Они, пожалуй, остались наиболее ярким «военным» воспоминанием его детства.

Но все вышеописанное касалось в первую очередь «настоящей» военной деятельности Павла. Видно, что он, несмотря на юный возраст, относился к ней чрезвычайно серьезно.

Рассмотрим теперь более подробно военные игры Павла Петровича.

Выше уже упоминалось об игрушках – учебных пособиях: модели корабля и столе с корабликами. Но это – игрушки, дополняющие учебный процесс. А что пишет Порошин о простых военных играх своего воспитанника, не связанных с обучением?

Судя по запискам С. А. Порошина, Павел особенный интерес проявлял к игрушечной артиллерии. Так, 7 октября 1764 г. Семен Андреевич записывает: «Незадолго перед обедом поднес Его Высочеству артиллерийский один офицер, родом грузинец, князь Чухлыманов, князь Челобаев (или, может быть, и иначе, не знаю хорошенько), две духовые гаубицы и две пушки. В зале делали им пробу. Стреляли приготовленными для них нарочно деревянными ядрами... После стола пришел к Его Высочеству его сиятельство граф Григорий Григорьевич Орлов. Великий Князь приказал принести из залы оные духовые орудия, два пожаловал графу Григорию Григорьевичу и два себе взял. Назначили в комнате болота и пригорки, представили две армии, и началась с обеих сторон пальба»²⁷.

В январе 1765 г. обер-цейхмейстер флота Демидов преподнес Павлу в подарок две пушки «с прибором, на железных лафетах»²⁸, что также доставило Цесаревичу огромную радость: «Отведывали, сколько раз в минуту зарядить можно. Пороху у нас не было. Я пример только делал, будто картузы кладу. Его Высочество посылал настоящей прибойник и банник, сделанные нарочно по калибру оных (пушек) в дуло. Веребочкой, представляющей фитиль, я прикладывал к затравке и палил будто. Таким образом от тринадцати до пятнадцати раз в минуту мы палили»²⁹. Цесаревич с удовольствием стрелял из своей игрушечной артиллерии³⁰.

Но первые «артиллерийские» игрушки Павел получил еще в четырехлетнем возрасте. Вот что вспоминал один из создателей единорогов и писатель-мемуарист, майор артиллерии М. В. Данилов, в 1756 г. бывший помощником начальника Петербургской артиллерийской лаборатории ⁴¹: «В 1756 году пожалован я в обер-фейерверкеры... с рангом поручика. Бороздин, подполковник, ласковый мой благодетель, был взят из Риги в Петербург. Граф (генерал-фельдцейхмейстер граф Петр Иванович Шувалов (1711–1762). – Е. Ю.)... приказал... ему сделать в артиллерии находящихся орудий со уменьшением калибра для поднесения Цесаревичу Павлу Петровичу. Бороздин поручил оную мне комиссию исполнить. Я забрал всякого рода мастеров в артиллерии, учредил оную комиссию в школе, где я жил, и через некоторое время сделал всех находившихся в артиллерии пушек, мортир и гоубиц и к ним всякую принадлежность против натуральной величины в двенадцатую долю калибром, самой хорошей работы, с позолотой и чеканками, серебряными клеймами, с вензелем Его Высочества; под все оные орудия соорудили мы батарею столярную, по пропорции, обили зеленым бархатом, обложили гасом золотым в пристойных местах и принесли к графу в его дом. Он, увидя батарею с принадлежностями работы самой чистой и в аккуратной пропорции сделанную, оказал свое удовольствие и похвалу справедливую» ³². Ныне остатки этой «павловской батареи» находятся в фондах Центрального Военно-морского музея ³³.

Но чаще всего Павел забавлялся, устраивая баталии с помощью либо карт, либо деревянных раскрашенных дощечек, либо с помощью «тавлеек» – шашек ³⁴. Интересно, что Порошин ни разу не упомянул на страницах дневника об игрушечных солдатиках, хотя они, несомненно, были среди игрушек Великого Князя.

Часто писал Порошин еще об одной черте характера Павла, связанной в том числе и с армией, – о чрезвычайно развитом воображении Цесаревича, в котором он представлял себя офицером, командиром какого-нибудь отряда или полка. Причем многими из офицеров Павел часто представлял себе своих знакомых, например того же С. А. Порошина ³⁵.

Изучение дневника С. А. Порошина показывает, что в образовании и воспитании Павла Петровича не было перекоса в сторону военного обучения. Нужно сказать, что в этом отношении Павлу было далеко, например, до прусских кронпринцев: так, будущему королю Фридриху Вильгельму I кадетская рота из мальчиков-сверстников для ознакомления с азами военной службы была подарена отцом в десятилетнем возрасте, а будущий Фридрих Великий стал командиром такой роты уже в пять лет! ³⁶ Стоит ли говорить: разница между настоящими кадетами, пусть и с деревянными ружьями, и «тавлейками» весьма существенная...

Читая порошинский дневник, мы видим, что к своим «настоящим» военным обязанностям Цесаревич относился весьма серьезно, а его военные забавы, как и игра воображения, свойственны любому нормальному десятилетнему мальчишке. Так что о каком-либо «детском милитаризме» Павла говорить не приходится.

«Из немногих выписок, сделанных нами из дневника Порошина, с достаточною ясностью обрисовывается тот особенный, созданный воображением цесаревича военный мир, в котором беспрерывно витали его мысли..., – писал Н. К. Шильдер. – С годами детские мечты Павла Петровича должны были обратиться к мысли, каким образом провести одолевавшие его грезы в действительную жизнь» ³⁷.

Однако юный Павел не только грезил – ему реально приходилось выполнять некоторые обязанности, связанные с армией, прежде всего – генерал-адмиральские.

«Великий Князь принимал живое участие во всем, касающемся Морского кадетского корпуса. Обо всех экзаменах, переводах, выпусках, одним словом, о всяком сколько-нибудь важном происшествии в корпусе докладывали ему и испрашивали его разрешения. Посещая корпус, Цесаревич бывал в классах, слушал преподавание и обращал особенное внимание на морскую тактику и корабельную архитектуру. Нередко Великий Князь определял в корпус

сыновей бедных дворян и, до поступления их в комплектные воспитанники, вносил на содержание их сумму из своего генерал-адмиральского жалованья. Каждую субботу и воскресенье, кроме летнего времени, к Великому Князю являлся из Кронштадта на ординарцы кадетский офицер.

Конечно, в описываемое нами время Павел Петрович не мог принимать участия в управлении морскою частью, и деятельность его, как генерал-адмирала, ограничивалась тем, что он подписывал офицерские патенты и принимал по праздникам почетные рапорты флагманов, но он интересовался флотом и морским делом», – отмечал Д. Ф. Кобеко³⁸. Естественно, что ему, как генерал-адмиралу, представлялось множество рапортов и других документов по морской части, которые он подписывал³⁹. По этой должности ему приходилось также представлять матери и новопроизведенных флотских офицеров⁴⁰. В целом как генерал-адмирал и президент Адмиралтейств-Коллегии Цесаревич, особенно в 1770–начале 1790-х гг., весьма активно занимался делами флота⁴¹. Любовь к нему Павел сохранил на всю жизнь, и его царствование было ознаменовано значительными реформами в военно-морской области⁴².

Много внимания Павел уделял и своим кирасирам, постоянно интересуясь состоянием и подготовкой полка⁴³.

Для Цесаревича даже специально писали книги по военному делу. Одна из них – «Собрание о разных древних военных орудиях и о укреплениях мест до изыскания пороха, также и по изобретении оного, огнестрельных машин и на противу их переменяющейся фортификации: Сочинено для употребления Его Императорскому Высочеству Государю и Великому Князю Павлу Петровичу в 1760 году», написанная генерал-фельдцейхмейстером графом П. И. Шуваловым, два списка которой хранятся в Эрмитажном собрании Отдела рукописей Российской национальной библиотеки⁴⁴.

Как писал П. И. Шувалов в обращении «К читателю», книга эта была «единственно с тем намерением издана, чтоб показать только одне названия древних и новых военных орудий, також и укреплений, с краткими об них изъяснениями и приложенными планами...»⁴⁵.

В книге приведены краткие общие сведения о холодном и огнестрельном оружии, видах артиллерийских орудий и снарядов, фортификации. Однако большая часть главы об артиллерии посвящена описанию единорогов и секретных гаубиц, причем это описание носит ярко выраженный хвалебный характер.

В 1764 г. адмирал С. И. Мордвинов написал специально для Цесаревича «Книгу об эволюции флота корабельного и галерного и сигналах», бывшую, по существу, учебником по военно-морскому делу⁴⁶.

Н. И. Панин

Значительную роль в увлечении Павла армией сыграли и некоторые из военных деятелей екатерининской эпохи, близко общавшиеся с Цесаревичем, прежде всего родной брат воспитателя Павла – графа Никиты Ивановича Панина – генерал-аншеф граф Петр Иванович Панин (1721–1789). Ко времени знакомства с Великим Князем принявший участие в Русско-турецкой (1735–1739), Русско-шведской (1741–1743) и Семилетней (1756–1763) войнах, неоднократно проявивший себя как искусный полководец и в Русско-турецкую войну 1769–1774 гг.⁴⁷, Панин «постоянно посещал великого князя до отъезда в армию в 1769 году и содействовал в немалой степени развитию военных наклонностей в юном наследнике. В своих беседах Петр Иванович охотно касался также современных военных порядков и критически... относился к военным порядкам и мероприятиям Императрицы Екатерины. Подобные суждения не прошли для Цесаревича без последствий и, оставив глубокий след в его впечатлительном уме, несомненно, повлияли на склад его понятий», – отмечал Н. К. Шильдер⁴⁸.

П. И. Панин

Еще одним желанным собеседником, прошедшим не одно сражение, был для молодого Павла полковник Михаил Федотович Каменский (1738–1809), будущий Генерал-Фельдмаршал, участник Семилетней войны, причем прошедший кампании 1758 и 1759 гг. волонтером во французской армии, человек, храбрость которого сделала его известным лично Фридриху Великому ⁴⁹.

М. Ф. Каменский

«Петр Иванович (Панин. – *Е. Ю.*) представил Каменского Цесаревичу, который пожелал его чаще видеть. В августе 1765 года Каменский был послан в лагерь под Бреславлем, в котором Фридрих Великий собирал и обучал свои войска. По возвращении он поднес Цесаревичу 16-го октября описание прусского лагеря, им самим сочиненное...

Цесаревичу поднесенное Каменским описание, вероятно, очень понравилось, Никите же Ивановичу Панину, может быть, в меньшей степени, а в Порошине оно должно было вызвать негодование. Появилось жестокое, по резкости, рукописное возражение на произведение Каменского, которое не без основания приписывают перу Порошина...», – писал Н. К. Шильдер⁵⁰.

Именно благодаря братьям Паниным и М. Ф. Каменскому, по мнению большинства исследователей, возникло увлечение юного Павла Пруссией, Фридрихом Великим и прусской армией⁵¹. Один из важнейших факторов, повлиявших на столь трепетное отношение Цесаревича к Пруссии, Д. Ф. Кобеко видит в визите в Петербург в 1770 г. брата Фридриха Великого, Принца Генриха: «Он успел сблизиться с Павлом Петровичем, и с этого времени утвердилась в молодом великом князе любовь к Пруссии, которой, подобно своему родителю, он не изменял никогда»⁵².

Но был ли в те времена взгляд на прусскую военную систему как на образцовую исключительным и стоит ли упрекать за него Великого Князя? Исходя из того отношения, которое сложилось в Европе и России к Фридриху Великому и его армии после Семилетней войны, думается, что нет, ибо в своем преклонении перед военным гением прусского короля Павел был не одинок. Ведь тогда... наши полководцы, граф Румянцев-Задунайский и князь Репнин, пользовавшиеся постоянным расположением Великого Князя, были ревностные приверженцы прусского устава... «Родственные связи сближали также Наследника с берлинским двором. Независимо от того, победы и завоевания Фридриха Великого не могли не остановить на себе

внимания Великого Князя», – отмечал П. П. Потоцкий⁵³. Подобного же мнения придерживались и многие другие русские военные историки дореволюционного периода.

«Павел Петрович, и не один Павел Петрович, а вся Европа того времени преклонялись перед прусскими войсками, прославленными победами; даже наиболее авторитетные писатели того времени причину побед Фридриха видели в прусском способе образования солдат, считая его единственным и безукоризненным...», – писал Б. Р. Хрещатицкий⁵⁴. Аналогичные высказывания находим и у А. Туган-Мирзы-Барановского: «Сравнивая победы над турками и поляками и вялые действия могучей России в трехлетней борьбе против шведов с изумительной борьбой Фридриха Великого с половиною Европы, Наследник приходил к заключению, что, привив прусскую систему, с нею привьет и энергию и деятельность Прусского Короля»⁵⁵.

Фридрих II

Взвешенный, объективный показ военной деятельности и личности Фридриха Великого, в том числе в связи с развитием русского военного искусства и отношением к военной системе Фридриха самого Павла, мы видим и в работах отечественных историков последних десятилетий.

«Павел был не прусофилом, он был поклонником порядка и, что касается армии, сторонником строгой дисциплины, – пишет А. В. Гаврюшкин. – В тогдашней Пруссии, по мнению всей Европы, государственные учреждения и армия содержались в образцовом порядке. Им подражали везде, поэтому трудно осуждать Павла за то, что он, подобно другим монархам, стремился перенять у Фридриха II полезные нововведения. Другое дело, что полезное, с точки зрения Павла, не всегда оказывалось таковым в действительности»⁵⁶.

«К сожалению, в нашей литературе несколько односторонне рассматривался вопрос о прусской военной системе, а отношение к ней А. В. Суворова или других представителей русской военной школы в период, предшествовавший преобразованиям Павла I, не затрагива-

лось, – справедливо отмечает Н. Г. Рогулин. – Как правило, даже анализ опыта Семилетней войны сводится к критике ограниченности линейного боевого порядка и кордонной стратегии, а также упоминанию о господствовавшей в наемных армиях муштре и палочной дисциплине...

Уместно в данном случае вспомнить, что авторитет Фридриха II в военных вопросах не подвергался сомнению многими представителями русской военной школы. Например, о ярчайшем из них... П. А. Румянцеве, современники отзывались как о горячем поклоннике прусского короля и прусской армии.

Опыт прусской армии внимательно изучали Н. В. Репнин, бывший одно время послом при дворе Фридриха, и П. И. Панин, сославшийся на него при рассмотрении вопроса об учреждении в России егерей по образцу прусских егерских команд. Если прибавить сюда И. П. Салтыкова и М. Ф. Каменского, то станет ясно, что Н. Дубровин имел достаточно оснований написать о „благоговении выдающихся боевых деятелей России перед военным талантом Фридриха“.

А. В. Суворов также считал необходимым изучать опыт Фридриха II... Некоторые мысли, высказанные Фридрихом в его наставлении прусскому генералитету, оказались созвучными взглядам Суворова и встречаются в его позднейших наставлениях»⁵⁷.

Весьма эмоционально, но, пожалуй, верно высказался на этот счет и Ю. Ю. Ненахов: «русские в лице Пруссии имели не худший, а возможно, и лучший пример для подражания. Однако в том-то и дело, что мы не смогли по-настоящему учиться у них и по-настоящему заимствовать их примеры, ограничиваясь принятием внешних форм в таком извращенном виде, что тот же Фридрих Великий пришел бы в ужас, увидев, как после его смерти в России трактовали его наследие...

Фридрих Вильгельм I

В своем понимании образа мыслей и наследия Фридриха II Павел стал совершать шаги, которых „Старый Фриц“ не сделал бы никогда»⁵⁸. Кстати, нужно отметить, что во многих

вопросах, касающихся армии (да и не только ее), Павел во многом походил даже не на Фридриха Великого, а на его отца – знаменитого «короля-солдата» Фридриха Вильгельма I. Для короля были характерны бережливость, забота о быте солдат, чрезвычайно щепетильное отношение к военному мундиру, понятию офицерской чести, четкая регламентация служебных обязанностей, особая любовь к парадам и строевой выправке, очень тесные и дружеские отношения со своими любимыми Гвардейскими частями⁵⁹. Как мы увидим ниже, эти качества неоднократно проявлялись и у наследника русского престола. И их едва ли можно назвать отрицательными..

Таким образом, по мнению большинства историков, к началу 1770-х гг. Павел Петрович, под влиянием как своих приближенных, так и общеевропейских настроений, сделался убежденным сторонником прусской военной системы.

Вообще же Цесаревич считал для монарха изучение военного дела, безусловно, обязательным: «Я думаю, что стыдно бы было тому, кто от Бога произведен того пола и звания, служить непосредственно Отечеству своему, непосредственно же не упражнялся б главнейшею частию службы онаго, какова есть защита государственная», – писал он П. И. Панину 14 сентября 1778 г.⁶⁰

К середине 1770-х гг. взгляды Павла на принципы устройства вооруженных сил России в целом определились и наиболее полно были им изложены в «Рассуждении о государстве вообще, относительно числа войск, потребного для защиты оного, и касательно обороны всех пределов», которое, по словам Н. К. Шильдера, в 1774 г. было представлено Императрице Екатерине⁶¹. Однако Я. Л. Барсков, серьезно занимавшийся изучением проектов военных преобразований Павла, писал, что Шильдер в данном утверждении опирался лишь на монографию полковника П. С. Лебедева «Графы Никита и Петр Панины»⁶², где отрывки из «Рассуждения» впервые и были опубликованы⁶³. «Мне известна рукопись, которой пользовался Лебедев: в ней нет указаний на то, что „Рассуждение“ Павла предназначалось для Екатерины», – отмечал Барсков⁶⁴. Верным, на наш взгляд, является его утверждение, что такие обстоятельства, как Русско-турецкая война 1769–1774 гг., раздел Польши, пугачевский бунт и назначение П. И. Панина для его усмирения, собственно, и «вызвали работу Цесаревича, в которой он пытался выяснить причины неурядицы и найти средства к ее устранению»⁶⁵.

Н. В. Репнин

Еще в 1769 г. возникает длившаяся много лет переписка между Павлом и П. И. Паниным⁶⁶. Вторую редакцию «Рассуждения», переработанного в 1778 г., Павел с письмом от 11 октября того же года отправил Панину⁶⁷ 3 января 1779 г. Цесаревич представил Панину вместе с письмом трактат «Мысли о военной части»⁶⁸. Еще одним адресатом, с которым Павел постоянно обсуждал различные военные вопросы, был талантливый русский военачальник и дипломат генерал-аншеф князь Николай Васильевич Репнин (1734–1801)⁶⁹. В переписке двух полководцев и Великого Князя серьезно обсуждались вопросы комплектования и квартирования армии, обороны границ и боевой подготовки⁷⁰. «Ясно, что не гр. П. И. Панин и кн. Н. В. Репнин побуждали Цесаревича проектировать преобразования по части военной или гражданской, но сам он искал дружеских ответов на занимавшие его вопросы», – писал об этой переписке Я. Л. Барсков⁷¹. Приблизительно в то же время Павлом была составлена записка, специально касающаяся преобразований в артиллерии. Многие из ее положений впоследствии были реализованы⁷².

Сохранилось значительное количество записок и рассуждений Цесаревича Павла Петровича по военным вопросам, относящихся к 1770–1790-м гг.⁷³ Попытаемся на их основе кратко сформулировать взгляды Павла на военное дело и русскую армию.

Сам Государь должен быть Верховным Главнокомандующим вооруженными силами страны и постоянно лично заботиться об их боеспособности.

Во главе армии должен находиться военный министр, подчиненный Государю.

России надлежит отказаться от наступательных войн и все внимание сосредоточить на обороне страны. Армия, в соответствии с этим, должна быть разделена на пять частей: 1) для действий против Швеции, 2) для действий против Пруссии и Австрии, 3) для действий против Турции, 4) для действий против кочевников Сибири, 5) стратегический резерв, состоящий

из полков, размещенных внутри империи. Границы страны должны быть надежно прикрыты крепостями.

Все войска постепенно должны стать оседлыми, т. е. комплектоваться и снабжаться за счет местного населения (здесь Павел предвосхищает введенные Александром I военные поселения).

В силу обширности и малонаселенности России набрать необходимое число россиян в армию чрезвычайно затруднительно, поэтому на деньги, которые платит купечество за то, чтобы не служить в армии, вербовать за границей (в Польше и Германии) наемников и формировать из них отдельные полки (т. е. не смешивать с русскими частями, набранными из рекрутов). Размещать эти вербованные полки Цесаревич намеревался в центре России, на «не освоенных» территориях, а по окончании службы волонтеры должны были получать в тех же местах земельные наделы. Впрочем, число наемников предполагалось небольшое: Павел четко понимал, что сила России – в национальной армии.

Солдаты должны служить строго определенный срок и ни в коем случае не использоваться не по назначению.

Всем в армии, от фельдмаршала до рядового, следует четко знать свои обязанности, которые должны быть определены в обязательных к исполнению уставах.

Гвардия должна быть уравнена в льготах и правах с армией (что впоследствии привело бы к ее исчезновению).

Армия должна быть расквартирована в казармах и в холодное время года заниматься индивидуальным обучением, а в теплое проводить маневры и учения, показывающие уровень строевой и боевой выучки войск.

Различия между частями войск должны быть отражены в расцветке обмундирования или его деталей.

Вся служба должна строиться на строгой дисциплине, субординации и четком знании каждым своих обязанностей ⁷⁴.

Таковы были основные положения военной доктрины, разработанной Павлом к началу 1780-х гг. От некоторых положений (набор наемников, ликвидация Гвардии) Цесаревич впоследствии отказался, но большинство из них, не без пользы для русской армии, было претворено в жизнь.

К сожалению, весьма необременительные обязанности генерал-адмирала и шефа Кирасирского полка, а также переписка с П. И. Паниным и Н. В. Репниным – это было практически все, чем мог заняться молодой наследник, ибо Екатерина, как известно, старалась как можно реже допускать Павла к государственным делам ⁷⁵. И на неоднократные просьбы отправить его волонтером на Русско-турецкую войну отвечала отказом, ссылаясь на весьма зыбкие причины ⁷⁶.

«Можно предположить, что действительная причина отказа вызвана стремлением Императрицы не допустить усиления авторитета сына, ибо военная служба и участие в походе представляли ему наиболее удачный шанс отличиться.

Екатерина II

Во-вторых, по-видимому, она опасалась распространения в армии „прусской заразы“, — отмечал А. В. Скоробогатов ⁷⁷.

М. М. Сафонов в своей книге «Завещание Екатерины II» ⁷⁸ вполне убедительно, на наш взгляд, доказал, что завещания Императрицы, в котором она намеревалась лишить сына престола, не существовало. Но при жизни Екатерина никоим образом не желала делить власть со своим наследником. «Екатерина II позволяла ему лишь пассивно смотреть на ее действия, ни в коем случае не допуская активного участия, по-видимому, опасаясь возможности ограничения своей власти», — пишет А. В. Скоробогатов ⁷⁹.

Между тем Павел Петрович жаждал деятельности, и прежде всего — на поприще военном ⁸⁰. Видимо, одной из форм такой деятельности Цесаревич, в силу сложившихся обстоятельств, мог считать командование хотя бы небольшим отрядом войск, подчиненных непосредственно ему, в котором он мог бы опробовать те принципы обучения и воспитания, каковые считал для себя наиболее передовыми.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что одним из важнейших факторов, способствовавших укреплению в Павле желания создать в России под своим началом отряд войск, обмундированных и выученных по прусскому образцу, стала поездка в Берлин летом 1776 г. по случаю сватовства к Софии-Доротее Вюртембергской ⁸¹. Фридрих Великий постарался показать свою армию во всем блеске, тем более что в свите Цесаревича находился Генерал-Фельдмаршал Петр Александрович Румянцев-Задунайский (1725–1796), победа которого

над турками при Кагуле произвела на короля неизгладимое впечатление. На маневрах, устроенных в окрестностях Потсдама по случаю приезда высоких гостей, Фридрих разыграл Кагульское сражение, лично командуя «русской» стороной, а по окончании маневров возложил на Румянцева орден Черного Орла⁸². Но со времени берлинских маневров прошло шесть лет, прежде чем Павлу Петровичу удалось создать свое маленькое войско⁸³.

Здесь необходимо отметить еще один факт. Создавая подчиненный только ему и им воспитанный военный отряд, Павел подражал Петру Великому, перед которым преклонялся⁸⁴. Судя по воспоминаниям современников, Цесаревич открыто сравнивал впоследствии свои Гатчинские войска с «потешными» полками Петра, а своих офицеров – с его сподвижниками⁸⁵. В связи с этим Н. А. Саблуков даже писал, что каждый отряд Гатчинских войск (батальон или эскадрон) «изображал полк Императорской Гвардии»⁸⁶. Это утверждение ошибочно, но оно отражает взгляд современников на Гатчинские войска не только как на затею собственно Павла, но как на явление, аналогичное тому, что имело место при Петре. Военные историки О. Г. Леонов и И. Э. Ульянов вполне справедливо отметили традиционность создания наследниками российского престола собственных «потешных» войск, «противопоставляемых существующей армии государства»⁸⁷. Едва ли Гатчинские войска смогли бы сыграть ту роль, какую сыграли петровские «потешные» в борьбе Петра с Царевной Софьей, но факт следования традиции в данном случае несомненен.

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу, что для создания Гатчинских войск у Павла Петровича имелся целый ряд серьезных причин, главная из которых, на наш взгляд, – нежелание Екатерины допускать сына к серьезным государственным и военным делам, ее отказ отпустить его на Русско-турецкую войну. Ведь даже присутствие на театре военных действий в качестве простого волонтера многое дало бы Павлу Петровичу – там он смог бы увидеть армию в деле, общаться с лучшими полководцами России и перенимать от них боевой опыт, тем более что он находился в самых дружеских отношениях с П. И. Паниным, Н. В. Репниным, П. А. Румянцевым. Кратковременное же участие в походе 1788 г. в Русско-шведскую войну 1788–1790 гг. не могло дать Павлу ясного представления о том, что понастоящему необходимо и ценно для воспитания и обучения войск⁸⁸. И в результате Павел так навсегда и остался очарован «однообразной красотой» маневров в окрестностях Потсдама, оставшихся для него эталоном боевой и строевой подготовки войск.

Таким образом, Цесаревичу, жаждавшему подвигов и деятельности, но волею матери оказавшемуся не у дел, возможность хотя бы частично реализовать на практике свои военные замыслы виделась только в создании специального отряда войск. Этот отряд, вошедший в историю под названием Гатчинских войск, был создан Павлом в 1783 г. по возвращении из заграничного путешествия.

Глава вторая ГАТЧИНСКИЕ ВОЙСКА

В исторической литературе Гатчинские войска получают, как правило, негативную оценку «Еще современники признавали их олицетворением плац-парадной муштры, палочной дисциплины, когда шагистика подменяла боевую выучку, а слепое повиновение внедрялось посредством рукоприкладства», – писал военный историк О. В. Леонов ¹.

Но только ли муштра и жестокость царили в Гатчинских войсках? Для ответа на этот вопрос нужно хотя бы кратко ознакомиться с историей их создания и развития.

Мария Федоровна

Начало Гатчинским войскам было положено в 1782 г. (по данным Д. Ф. Кобеко – 6 марта 1783 г., что кажется более вероятным, так как Павел Петрович и Мария Федоровна возвратились в Петербург из заграничного путешествия только 20 ноября 1782 г.), когда для несения караулов при Павловском и Каменноостровском дворцах Великого Князя Павла Петровича были сформированы две команды, по 30 человек каждая, составленные из чинов балтийских флотских батальонов, подчиненных Павлу как генерал-адмиралу. Численность команд постепенно росла, и в 1785 г. в распоряжении Цесаревича имелась уже рота, в 1786 г. – три роты, а 20 мая 1788 г. был сформирован пятиротный батальон, названный батальоном Его Императорского Высочества. Затем, в период с 1792 по 1796 г., было сформировано еще пять пехотных

батальонов, численность и состав которых постоянно менялись, а также егерская рота (сформирована и упразднена в 1793-м, восстановлена в 1794 г.)².

Павел I. 1798–1800 гг.

Именно в гатчинской пехоте постигали азы военной науки старшие сыновья Павла – Великие Князья Александр и Константин. В 1796 г. Александр был назначен шефом 2-го батальона, а Константин – 3-го³.

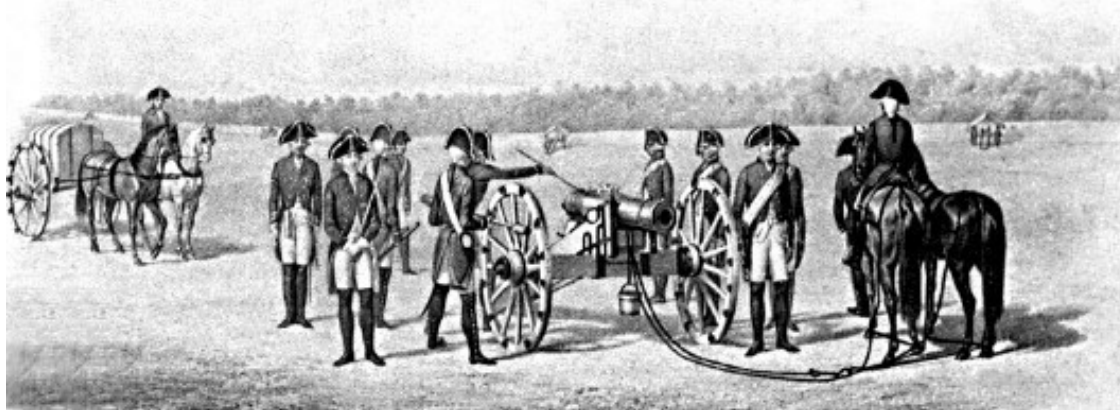
История гатчинской кавалерии начинается в 1787 г., когда из чинов Кирасирского Наследника Цесаревича полка был сформирован отдельно Кирасирский (жандармский) полк, именовавшийся иногда эскадроном. В 1792 г. из чинов различных полков армейской кавалерии, в основном опять же из Кирасирского Наследника полка, были сформированы полки Драгунский и Гусарский, а в 1793 г. к ним прибавился Казачий полк (эскадрон), сформированный из прибывшей с Дона казачьей команды⁴.

Артиллерия в Гатчинских войсках, судя по опубликованным данным, появилась в 1786 г., с учреждением Артиллерийской команды Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича (унтер-офицер и 8 рядовых)⁵. Однако документы архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи показывают, что уже в 1783–1785 гг. для Цесаревича в Санкт-Петербургском арсенале и Санкт-Петербургской артиллерийской лаборатории было сделано 14 лафетов с принадлежностью, 1 зарядный ящик, 3 зарядных сумы, сотни картузов с холостыми зарядами, скорострельных трубок и палительных свеч⁶. Таким образом, можно утверждать, что артиллерийская команда из чинов пехоты и орудия для салютационной и сигнальной стрельбы имелись у Павла Петровича уже в 1783 г., а в 1786 г. появилась специально набранная артиллерийская команда из флотских артиллеристов. В 1787 г. численность команды возросла, и из ее состава было выделено 2 орудия с прислугой для формирования конной артиллерии при жандармском полку. В августе 1792 г. артиллерийская команда была преобразована в роту, разделенную годом позже на 1 конное и 3 пеших отделения, а к 1796 г. она представляла собой артиллерийский полк, состоявший из 1 конной и 3 пеших рот и имев-

ший в своем составе 16 орудий, 12 из которых были новой, улучшенной и облегченной конструкции, разработанной при активнейшем участии самого Павла Петровича ⁷. Всего к 1796 г. артиллерия Гатчинских войск насчитывала 60 орудий, из них 12 находились в полку, а остальные – при Гатчинском и Павловском дворцах ⁸.

Вообще здесь необходимо отметить, что гатчинская артиллерия оказала огромное влияние на дальнейшее развитие всей русской артиллерии в целом.

«Основания, выработанные в гатчинской артиллерии, послужили почвой, на которой развились дальнейшие организационные преобразования во всей русской артиллерии, начавшиеся со вступлением на престол Павла I», – писал Н. Е. Бранденбург ⁹.

Пешая артиллерия Гатчинских войск

«Опыт организации, обучения и устройства материальной части артиллерии гатчинских войск был впоследствии Аракчеевым применен при разработке русской артиллерии, в результате чего была выработана артиллерия 1805 г., или, как ее иначе называли, „аракчеевская“», – отмечал Д. Е. Козловский ¹⁰.

Конная артиллерия Гатчинских войск

Материальная часть артиллерии Гатчинских войск, разработанная в 1791–1792 гг. при участии Павла, генерал-майора Х. Л. Эйлера и капитана Ф. И. Апрелева, по своим конструктивным и тактико-техническим характеристикам значительно превосходила материальную часть русской артиллерии, состоявшей на вооружении, и легла в основу образцов материальной части, принятых на вооружение в 1797 и 1805 гг.

Зеленый цвет лафетов орудий и обмундирования гатчинской артиллерии с восшествием на престол Павла был принят во всей русской артиллерии и более уже не менялся.

На маневрах и учениях Гатчинских войск активно отрабатывались вопросы взаимодействия артиллерии с другими родами войск, причем зачастую гораздо шире, чем это практиковалось в артиллерии русской армии, за исключением частей, находящихся под командованием П. А. Румянцева и А. В. Суворова.

Благодаря разделению прислуги на номера и четко разработанным командам для заряжания и стрельбы, а также прекрасной подготовке личного состава артиллерия Гатчинских войск по уровню строевой и боевой подготовки значительно превосходила артиллерию русской армии.

В артиллерии Гатчинских войск многое было заимствовано из прусской армии, считавшейся тогда лучшей в Европе (передковые ящики, система калибров орудий, конно-артиллерийские части постоянного состава, обмундирование), но Павел не был слепым поклонником Фридриха Великого, и в первую очередь это касалось артиллерии. Если прусский король смотрел на артиллерию как на «обоз», то Павел видел в ней мощнейшее средство поддержки пехоты и кавалерии, способное оказать решающее влияние на исход боя.

Кроме прусского опыта Цесаревич активно использовал опыт французской артиллерии, реформированной в 1760-х гг. «отцом французской артиллерии» генералом Жаном-Батистом Грибовалем, а также все лучшее, что было наработано в русской полевой артиллерии.

Выработанные в артиллерии Гатчинских войск организационная структура, материальная часть, приемы стрельбы, строевой и боевой подготовки по восшествии Павла на престол были введены во всей русской артиллерии, что сыграло огромную роль в росте ее боеспособности¹¹.

Особое значение придавал Великий Князь картечному огню¹². Он лично придумал специальную мишень для картечной стрельбы, которую, став Императором, ввел во всей артиллерии¹³: «...состоялась сплошная мишень из досок в 10 фут длиною, с несколько заостренным основанием, причем каждая доска становилась наклонно и подпиралась сзади подпоркою, так что попавшая пуля могла ее сбить»¹⁴. «Устроенные таким образом щиты выполняли два назначения: они показывали меткость стрельбы, а вместе с тем и действительность выстрелов», – отмечал В. Ф. Ратч¹⁵.

Заслуга Павла Петровича в обучении гатчинских артиллеристов «цельной» стрельбе исключительно велика – ведь в то время «артиллеристы наши считали меткую стрельбу из орудий делом невозможным»¹⁶. Цесаревичу на примере своих артиллеристов удалось доказать ошибочность этого мнения.

Огромное значение Великий Князь придавал и скорости открытия огня.

«Постоянная мысль государя была искоренить в артиллерии медленную постановку ее на позицию и долгое приготовление к стрельбе. Артиллерии повелено было маневрировать с заряженными орудиями, тогда как европейские артиллеристы, созная выгоду быстрого открытия огня, почти 40 лет спустя еще сомневались в возможности этого способа без потери зарядов.

Артиллерия, остановленная на позиции, должна была немедленно открывать огонь; 10-ть секунд был наибольший предел, который допускал Государь до первого выстрела как в конной, так и в пешей артиллерии.

Для подобной быстроты в действиях и движениях недостаточно было доселе существовавшее строевое обучение, состоявшее только в общих способах заряжания и стрельбы: необходимы были более точные правила – приемы, строгое распределение обязанностей между прислугой, упражнения в движениях для их правильности и для предупреждения замешательства и несчастных случаев. Соединение же орудий в батареи и совокупное их действие с пехотою и кавалериею потребовали правил для построений, которые создавались и улучшались

по указаниям Государя Императора Павла Петровича и при которых артиллерия постоянно должна была иметь в виду быстрое открытие огня», – писал В. Ф. Ратч¹⁷.

Кроме сухопутных частей при Гатчинских войсках существовала небольшая озерная флотилия. «Павел... пожелал наряду с „потешной“ сухопутной гатчинской армией иметь такой же флот. Так на просторах озер появилась эскадра из 24 судов – яхт, фрегатов, трешкоутов, яликов, гондол и специальных плотов. Малые суда использовались для... водных прогулок, а более крупные, вооруженные настоящими медными пушками, участвовали в морских эзерцициях, длившихся порой целыми днями и сопровождавшихся боевой стрельбой, абордажами, десантами и всем тем, что присуще маневрам военного флота. Морские игры велись с таким азартом, что сын Павла, будущий император Александр I, оглох от пальбы на одно ухо»¹⁸.

Для повышения образовательного уровня офицеров Гатчинских войск Павел Петрович учредил в 1794 г. офицерские классы, заведование которыми поручил А. А. Аракчееву, командовавшему тогда гатчинской артиллерией¹⁹.

«По учреждении вами, г. подполковник Аракчеев, вследствие приказанья моего, для офицеров военного класса, предписываю вам иметь прилежное смотрение как за успехом их в учении, так и за поведением во время оногo; а при том наблюдать, чтобы они были всегда опрятно и как должно по форме одеты, не дозволяя им ходить в классы в сюртуках; если же кто против сего делается ослушным, то дозволяю вам такового тотчас арестовать, дав о том знать за известие коменданту, а меня тотчас рапортовать, так как и доносить мне почасту обо всем оном. Для классов же избрать вам способное время, как, например, после обеда, в кое офицеры от должностей свободны бывают; сие же относится для тех, кои в Гатчине, а не живущих в Скворицах», – писал Павел в рескрипте Аракчееву от 4 июля 1794 г.²⁰

«Препоручая вам, г. подполковник Аракчеев, учредить в Гатчине по примеру прежнему класс для преподавания военной науки, предоставляю вам избрать способного для сего офицера...», – писал Цесаревич в тот же день, а уже 6 июля он выразил А. А. Аракчееву свое удовольствие офицерскими классами²¹.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.